

Национальный менталитет и риски социальной трансформации белорусского общества

В.В. Анохина

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

В статье анализируются социокультурные риски модернизации белорусского общества и возможности их минимизации посредством коммуникативных механизмов культурной традиции. Отмечается, что в условиях постсовременных форм социальной трансформации, соответствующих фазе позднего (или «рефлексивного») модерна, подобные риски в немалой степени обусловлены последствиями глобализации культуры, в частности глокализацией, плюрализацией форм социальной идентичности, гибридизацией культурных традиций, фрагментаризацией «жизненного мира» и исторической памяти народа. Выделяя структурные уровни культурной традиции, автор особое внимание обращает на специфику ее базового слоя – национального менталитета. Целью статьи является экспликация особенностей национального менталитета белорусов как потенциальных источников риска в условиях «рефлексивной» модернизации белорусского общества, а также выявление роли культурной традиции в их минимизации. Утверждается, что формирование современных форм национальной идентичности в белорусском обществе связано с взаимодействием как минимум двух моделей идентификации: «сильной» и «слабой». Анализируя специфику «сильной» национальной идентичности белорусов, автор отмечает, что выделяемые в ней полюса – националистический и патриотический – во многом конгруэнтны и не соответствуют вызовам поздней современности. Модель «слабой» идентичности, напротив, обладает высоким потенциалом адаптации к условиям рефлексивной модернизации и реализуется в процессе конструирования плюралистичной гражданской идентичности белорусов. Однако ей свойственна потенциальная рискогенность, особенно в ситуациях геополитической турбулентности и внешнего давления на белорусский социум. Ключевой идеей статьи служит утверждение о возможности контролировать социокультурные риски при помощи рефлексивных механизмов традиции, устанавливающих многомерный диалог настоящего с прошедшим в соответствии с нормами коммуникативной рациональности.

Ключевые слова: социальная философия, «рефлексивная» модернизация, культурная традиция, национальный менталитет, национальная идентичность, диалог, коммуникативная рациональность.

Анохина Виктория Валентиновна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета.

dr.v.anohina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9300-4702>

Для цитирования: *Анохина В.В.* Национальный менталитет и риски социальной трансформации белорусского общества // *Философские науки*. 2021. Т. 64. № 3. С. 26–49. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-3-26-49

National Mentality and Risks of the Transformation of Belarusian Society

V.V. Anohina

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The article analyzes the socio-cultural risks of the modernization of Belarusian society as well as the opportunities to minimize these through communication mechanisms of cultural tradition. Since in the postmodern conditions social transformation takes the form of a “reflexive” modernization, its inherent risks should be considered as closely linked with globalization of culture, in particular, with glocalization, pluralization of social identity, hybridization of cultural traditions, fragmentation of the “lifeworld” and of the nation’s historical memory. The author considers various levels of the structure of cultural tradition, paying special attention to the national mentality as its basic layer. The goal of this paper is to show how the specific features of Belarusian mentality become sources of risk and to reveal the role of cultural traditions in preventing or reducing such risks. Analyzing different strategies for constructing the national identity, the author defines the vulnerabilities involved. It argues that the formation of modern forms of national identity in Belarusian society is due to interaction of at least two identification models: the “strong” and “weak” ones. By analyzing the specifics of the “strong” national identity of Belarusians, the author notes that its poles – the nationalist and the patriotic ones – are largely compatible and do not respond to the most urgent challenges. On the contrary, the model of a “weak” identity has a high capacity to adapt to the conditions of “reflexive” modernization. This model is implemented in the process of constructing a pluralistic civic identity of Belarusians, but it has potential risks,

especially in conditions of geopolitical turbulence and external pressure on Belarusian society. A reflexive attitude to the past is considered a possibility to minimize such risks, to avoid or to limit potential adverse impacts of social mobilization or national identity construction. It is emphasized that discussions about the past should be carried out in the form of a dialogue that meets the rules and requirements of communicative rationality.

Keywords: social philosophy, “reflexive” modernization, cultural tradition, national mentality, national identity, dialogue, communicative rationality.

Victoria V. Anohina – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Philosophy and Methodology of Science Department, Belarusian State University.

dr.v.anohina@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9300-4702>

For citation: Anohina V.V. (2021) National Mentality and Risks of the Transformation of Belarusian Society. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 64, no. 3, pp. 26–49.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-3-26-49

Введение

Белорусское общество, вступившее в фазу политического транзита еще в 90-е годы XX века, пребывает сегодня в стадии торможения институциональных реформ. Задачи обновления основных сфер общественной жизни, которые стоят перед страной в условиях роста геополитической турбулентности, актуализируют вопрос о роли культурных традиций и национального менталитета в процессах социальной трансформации.

Задачи системной модернизации белорусского общества в направлении построения инновационной «зеленой» экономики, устойчивой демократии, развитой научной и культурно-информационной инфраструктуры, совокупно обеспечивающих ресурс поддержания и укрепления национального суверенитета, предполагают последовательную смену устаревающих социальных институтов. В этих условиях огромное значение имеет уровень сплоченности, интеграции общества, качество социального и человеческого капиталов, без которых немислима эффективная мобилизация для достижения поставленных целей. Очевидно, что консолидирующую роль в данном процессе должны выполнять национальная культура как основание гражданской идентичности, социальной солидарности белорусов и открытая

культурно-информационная политика государства, направленная на уважительный диалог со всеми социальными группами современной Беларуси.

Поэтому важным представляется выявление особенностей национального менталитета и роли культурной традиции белорусов в минимизации рисков «рефлексивной» модернизации белорусского общества.

Культурные традиции и «рефлексивная» модернизация

Известно, что Беларусь к 60–70-м годам XX века стала современным, урбанизированным и индустриальным обществом. Однако сегодня этого уже недостаточно, поскольку институциональная и технологическая инфраструктуры страны значительно устарели и не соответствуют требованиям поздней современности с характерной для нее установкой на перманентную модернизацию. Исследователи отмечают появление принципиально новых особенностей развития, когда различия между «органической» и «неорганической» («догоняющей») модернизациями становятся не столь очевидными. Согласно Э. Гидденсу, модернизация принимает перманентный характер, характеризуется специфической комбинацией безопасности и риска, многомерностью институтов, разрывами исторической преемственности, виртуализацией контактов, высокой скоростью и неопределенностью социальных изменений. Э. Гидденс замечает: «Динамизм современности проистекает из *разделения времени и пространства* и их воссоединения в формах, допускающих точное пространственно-временное “зонирование” социальной жизни; *высвобождения* социальных систем...; и *рефлексивного упорядочивания и перегруппировки* социальных отношений на основе непрерывного входящего потока знаний, оказывающего влияние на действия индивидов и групп» [Гидденс 2011, 130].

С точки зрения У. Бека, поздняя современность берет начало в 80-х годах XX века и отличается глобализацией рисков. Следовательно, с целью их минимизации, поддержания динамичных параметров социального порядка модернизация должна приобретать перманентный и рефлексивный характер. Обосновывая новую «парадигму общества риска», У. Бек формулирует ключевой вопрос социальной динамики позднего модерна: «Каким образом предотвратить систематически возникающие в процессе прогрессивной модернизации риски и опасности, сделать их безопасными,

канализировать, а там, где они уже появились на свет в виде “скрытых побочных воздействий”, так отграничить и отвести в сторону, чтобы они не вставали на пути процесса модернизации и в то же время не выходили за пределы (экологические, медицинские, психологические, социальные) допустимого?» [Бек 2000, 22]. Итак, проблемы модернизации в современных условиях предусматривают рефлексивные усилия экспертов по мониторингу проводимых в обществе реформ и оценке тех рисков, с которыми органически связан процесс социальной трансформации.

Поскольку рефлексивная модернизация может быть понята и как способ смягчения перехода от общества, «распределяющего богатства», к обществу «распределяющему риски» (У. Бек), то ключевой вопрос позднего модерна приобретает характер вопроса о качестве их интерпретации. Анализируя социокультурную природу современных рисков, И.Г. Яковенко утверждает, что «исследуя устойчивую специфику культуры конкретного общества, ...можно выявить и описать факторы риска, “упакованные” в ткань культуры» [Яковенко 2006, 7].

Роль последней в минимизации рисков модернизации амбивалентна. С одной стороны, культура призвана противостоять нарастающей энтропии, опираясь на силу традиции, которая воспроизводит устойчивые параметры социального порядка. С другой – культура предполагает постоянное нарушение «границ», поскольку человеческое творчество и порождаемые им нововведения являются условием ее существования. Как показано в исследованиях Московско-Тартуской семиотической школы, семиозис наиболее продуктивен в пограничных областях смыслового пространства культуры, там, где регулятивно-нормативная функция традиции существенно ослабевает, а процессы инокультурного влияния, напротив, достаточно сильны, поддерживая культурное заимствование посредством диффузии ценностей и освоения новых социальных практик. Как показали исследования автора данной статьи, под влиянием глобализации традиционная структура культурного пространства, представленная взаимодействиями «ядро/периферия», перестает определяться ритмической сменой центростремительных и центробежных тенденций семиозиса, располагающихся вдоль системообразующей оси автохтонной традиции. Она формируется множеством разнонаправленных «волн» глокализации, которые смешивают «жизненные миры» глобализирующихся культур. В итоге инте-

гративный потенциал традиции падает, в обществе нарастает энтропия, повышающая рискогенность социальных изменений [Анохина 2015; Анохина 2017].

Воспроизводимые традицией формы социальной регуляции постепенно утрачивают адаптивный потенциал, становясь внутренними источниками риска. Воспроизводя устойчивые социальные ценности и практики, неадекватные вызовам времени, традиция может играть роль механизма хаотизации социальных систем, становясь источником «разрывов» современности. Наиболее опасный слой традиции, способный генерировать риски, – национальный менталитет, поскольку его нерелексируемые установки и стереотипы могут воспроизводить устаревшие формы решения проблем в условиях, которым они уже не соответствуют. Это и есть «детерминированные культурой факторы риска» [Яковенко 2006, 7].

Таким образом, анализируя роль культурной традиции в модернизации социальных систем и институтов современного белорусского общества, необходимо учитывать различные структурные уровни традиции. Среди них можно выделить следующие: 1) доминирующая система ценностей, репрезентируемая важнейшими формами духовной культуры – моралью, литературой, искусством, религией; благодаря философии она приобретает характер обоснованных мировоззренческих идей и представлений; 2) архетипические основания, мифы и символы традиции, оказывающие опосредованное воздействие на культурную память народа, его национальное самосознание; 3) исторически устойчивая совокупность норм и стереотипов поведения, общения, деятельности, значительная часть которых может воспроизводить устаревшие образцы социального порядка; 4) менталитет как совокупность нерелексируемых субъектами привычных форм мировосприятия, неосознаваемых социальных ожиданий, установок и ценностей, воспроизводящих укорененное в национальном характере и традиционном образе жизни отношение к различного рода явлениям и событиям окружающей действительности.

В этом контексте обращение к специфике менталитета белорусов призвано прояснить потенциал национальной культуры в гармонизации процессов перехода белорусского общества в качественно новую фазу сбалансированной социальной динамики, направленной на построение экологически устойчивого, экономически эффективного и социально справедливого общества.

Амбивалентный характер белорусской ментальности

Исследуя специфику любого национального менталитета, можно выделить ряд его существенных характеристик и рассмотреть их в качестве проводников воздействия культурной традиции на ценностно-целевую структуру социального поведения и деятельности индивидов. Как показали исследования французской исторической школы «Анналов» [Блок 1986; Февр 1991; Ле Гофф 2001; Бродель 2004], социально-феноменологический анализ смысловой структуры «жизненного мира» и «повседневного» существования людей [Шюц 2004], специфики культуры «безмолвствующего большинства» [Гуревич 1990], менталитет представляет собой многомерный феномен, своеобразный сплав психоэмоционального и рационального, тесно связанный с глубинными структурами языка и социокультурными кодами традиции. Он выражен как в особенностях восприятия социальных событий, процессов и явлений, так и в специфике языковой картины мира, которой свойственна неравномерная концептуализация различных фрагментов действительности, определяемая их значимостью для жизни конкретного народа.

Национальный менталитет формируется в процессе длительной исторической эволюции, поэтому его содержание вбирает в себя множество различных влияний: природно-географических, исторических, политических, хозяйственно-экономических, собственно культурных (языка, фольклора, религии и др.). Концентрируя в себе опыт прошлых поколений, он неизбежно становится проводником воздействия собственных архетипических оснований на исторически устойчивые формы социального поведения и коммуникации людей, которые либо не осознаются носителями данного типа ментальности, либо принимаются за естественные и самоочевидные.

С позиции анализа современной белорусской ментальности в ее организации принято выделять ряд характеристик, определяющих внутренне противоречивую природу белорусского национального менталитета. К ним целесообразно отнести: 1) аксиологическую амбивалентность; 2) наличие в национальном характере черт, которые, пересекаясь с общеславянской ментальностью, отличаются своеобразием; 3) «пограничный» характер смыслообразующих форм национальной ментальности.

Говоря об аксиологической амбивалентности белорусского менталитета, важно подчеркнуть, что амбивалентное описание его

особенностей предполагает не только выделение позитивных черт национального характера, но и критический анализ недостатков в отношениях, оценках и поведении типичного представителя белорусского этноса. Классическим примером характеристики белорусского менталитета может служить работа Ф.А. Кудринского «Белорусы», впервые изданная в Вильно в начале XX века. Описывая типичного представителя белорусского народа как терпеливого, миролюбивого и незлопамятного человека, автор указывает и на его замкнутый, недоверчивый характер («себе на уме»), на то, что белорус часто пребывает в состоянии печального беспокойства по поводу возможных неприятностей, поскольку в прошлом они обрушивались на него ввиду драматических обстоятельств национальной истории. Антиномичность авторских оценок наблюдается и в том, что Ф.А. Кудринский указывает на гостеприимство, радушие белорусов, богатое воображение, их любовь к веселью, обожание праздников и одновременно отмечает присущую им тягу к обдумыванию деталей предстоящего дела, неторопливость, сосредоточенность на повседневности и практицизм, отсутствие авантюризма, азарта, предпринимательской склонности к риску [Кудринский 1905].

Специфический сплав в национальном менталитете белорусов общеславянских черт и своеобразия, непохожести белорусов на ближайших соседей красноречиво проявляется в неповторимом сочетании присущих традиционному сознанию моральных, социальных, религиозных ценностей. Это обстоятельство подчеркивается многими исследователями [Бабосов 2016; Галенчанка 2008; Кириенко 2005; Мельников 2005; Мурзёнак 2016; Чернявская 2010; Ширков 2008].

Белорусов отличает уважительное отношение к старшим, к женщинам, они в большей степени, чем другие славянские народы, ориентированы на признание социального равенства и гендерных ролей. Вместе с тем в традиционной культуре белорусов не получили широкого распространения патриархально-патримониальные ценности и нормы, аналогичные известному «Домострою» [Домострой... 1867]. Во многом это обусловлено европейско-христианскими корнями белорусской духовности, особенностями развития этнокультурной традиции белорусов в эпоху Великого княжества Литовского и период тесной интеграции белорусских территорий в состав Речи Посполитой [Евароўскі 2015, 43–48; Заневский 2011, 58–62; Ладысеў, Брыгадзін 2003].

Одним из значимых факторов формирования ценностей социального мира и религиозной гармонии, толерантного отношения к представителям других этносов и конфессий в белорусском менталитете была традиция литовско-белорусской шляхты (военно-политической и культурной элиты Великого княжества Литовского), основанная на локальной интерпретации идеологии сарматизма [Еўмянькоў 2008, 82–86; Лескинен 2002]. Опираясь на архивные материалы, Л.Я. Климуть пишет о том, что, в отличие от Польши и Венгрии, идеология сарматизма в культуре Великого княжества Литовского в XVI–XVII веках не связана с доминантой католицизма. Сарматизм на белорусских землях предусматривал утверждение идеалов христианства как такового, он «был поистине всеобъемлющей идеологией. Николай Радзивилл Сиротка после перехода из кальвинизма в католицизм помогал материально в строительстве православной церкви, а в 1582 году выделил фонд на содержание православного священника. Православные церкви и монастыри финансировались Богуславом и Янушем Радзивиллами... Документы свидетельствуют, что и другие конфессии получали поддержку от магнатов и короля» [Клімуць 2012, 8].

Сарматизм стал и источником формирования в белорусской культурной традиции демократических ценностей равенства и справедливости, поскольку эта идеология подразумевала равный статус рыцарей европейской «*Res publica Christiana*», независимо от их имущественного положения, этнокультурного и политического статуса. Все они, мелкопоместные шляхтичи и представители королевского рода, были рыцарями Республики, преданными долгу, присяге и чести, служителями христианских идеалов.

В результате исторической индивидуации культурной традиции белорусского народа, имевшей место в период формирования и расцвета Великого княжества Литовского, заложены аксиологические и социально-психологические основания в структуру национальной ментальности, сохранившиеся не благодаря, а вопреки последующим событиям белорусской истории. После утраты государственности, важнейшего условия формирования национальной культуры, единственным способом сохранения и воспроизводства этнокультурной идентичности народа стало осуществляющееся средствами культурной памяти различие «своих» и «чужих». Это в известной мере объясняет локальность белорусского менталитета начала XX века (феномен «тутэйшых»)

[Wasilewski 1925]. В данный исторический период складывается относительно замкнутая территориальность, которую можно рассматривать как уникальный способ самосохранения этноса перед лицом активной политики культурно-языковой и религиозной ассимиляции.

Благодаря такой локализации, белорусская ментальность смогла сохранить неповторимый ценностный строй и аутентичность фольклора даже в условиях рассеивания национальной элиты, вытеснения белорусского языка на периферию устной памяти народа, в повседневность забот его сельской жизни. По мнению Н.К. Фролова, «белорусская ментальность впитала в себя и униатскую склонность к компромиссам, и героику католицизма, и строгую воздержанность вместе с индивидуализмом протестантизма. ...Белорусы миролюбивы, для них не характерно чувство национального превосходства над другими национальностями» [Славянские... 2001, 5].

Наконец, еще одним значимым проявлением амбивалентности национального менталитета белорусов можно считать его специфическую «пограничность». Ее следует трактовать как с позиций «срединного» географического и цивилизационного положения Беларуси, так и в менее явном, культурно-семиотическом смысле, что открывает новые перспективы развития белорусской культуры в эпоху глобализации.

«Жизненный мир» белорусской (литвинской) шляхты, формирующийся на границах христианского и мусульманского, европейского и азиатского культурных миров, сплавил в единый «мировой горизонт» западные и восточные мотивы, обусловил заметную ориентализацию повседневного образа жизни типичного белоруса, в котором «странным образом переплетаются противоположные идеи и установки, например, преданность христианству сочетается с восхищением нехристианской культурой и имитацией некоторых ее проявлений» [Клімуць 2012, 10]. Пограничье способствовало утверждению ориентального стиля в изготовлении оружия, в прикладном искусстве, эстетике традиционной одежды, убранстве жилища, пышности семейных праздников и светских ритуалов. Оно же стало источником традиционного народного творчества, современной национальной литературы и искусства, усиливая ментальные ориентации белорусов на развитие культуры диалога и толерантности.

Рискогенность стратегий формирования «сильной» и «слабой» моделей национальной идентичности белорусов

Охарактеризуем два вектора формирования национального менталитета в ходе модернизации белорусского общества. Первый связан со становлением «сильной» национальной идентичности, преодолевающей внутреннюю противоречивость менталитета белорусов. Второй направлен на конструирование «слабой» модели национальной идентичности как наиболее соответствующей вызовам поздней современности, поскольку она способствует успешному встраиванию белорусского социума в плюральный мир глобализации.

В рамках первой модели «пограничность» белорусской ментальности понимается как следствие ее незрелости, как результат незавершенности процесса формирования белорусской нации, прерванного серией драматических событий, историческая глубина которых восходит к периоду упадка Великого княжества Литовского и впоследствии – к разделам белорусских земель между геополитическими конкурентами. Поскольку развитие современных социальных институтов в белорусском обществе происходило не в рамках национальной государственности, общество оказалось на своеобразной периферии модернизационных процессов. Это привело в последней трети XIX века к заметному отставанию белорусских территорий по уровню урбанизации и промышленного развития от географически ближайших центров модернизации. В период наиболее интенсивной индустриализации европейских стран, которая развернулась после «Весны народов» (1848), открывшей простор для активного формирования национальных государств в Западной и Центральной Европе, белорусское общество сохраняло значительные черты традиционного аграрного социума.

Интенсивные модернизационные изменения начались в Беларуси только с приходом советской власти, хотя модернизация в СССР осуществлялась по особой модели «контрмодернизации» (А. Турен), проводившейся «сверху» и решительно отвергавшей западный опыт «органической» модернизации и соответствующие ей социальные институты. Развитие БССР в составе Советского Союза не предполагало формирования белорусской нации в ее модернистском значении. Можно вполне согласиться с утверждением А. Турана о том, что «советская революция апеллировала не к нации, а к рабочим и крестьянам; она была не патриотической, а пролетарской революцией» [Турен 2014, 102].

Перед Беларусью стоит задача формирования национальной идентичности нового типа, которая бы соответствовала и требованиям эпохи, и аксиологическому строю белорусской культурной традиции, моральным и духовным ценностям предков. Необходимость ответа на вызов времени – одна из составляющих сложного процесса социальной трансформации белорусского общества, которому, как справедливо отмечает А.Н. Данилов, «присущ эволюционный характер преобразований, основанный на ментальности народа и социальной ответственности власти» [Данилов 2017, 10]. Подчеркивая, что «укоренение государственности, осознание населением собственного суверенитета, формирование национальной идентичности – время серьезных испытаний, связанных с предвкушением новой ответственности, стремлением утвердить свое национальное родство, пройти тест на идентичность» [Данилов 2017, 10], ученый обращает внимание на возрастающую значимость принципов социальной и политической ответственности, уважения национальных интересов, прав и достоинств всех народов и граждан, сохранения собственных культурных основ в процессе эволюционного развития белорусской государственности [Данилов 2017, 9–10].

Ясное представление о сложности процессов социальной трансформации и нациообразования в современной Беларуси дают нам философско-культурологические и социологические исследования, проводимые в крупных научных центрах страны [Бабосов 2013; Зеленков 2016; Современное белорусское... 2018; Титаренко 2010; Ценностный мир... 2016].

Вместе с тем, как подчеркивает А.И. Зеленков, «проблемы оптимального стратегического выбора в развитии Беларуси и четкого определения важнейших социокультурных приоритетов модернизации далеки от окончательного разрешения» [Философия... 2015, 60]. Опираясь на результаты анализа социальных предпочтений белорусского населения, он отмечает их ситуативность, неопределенность и противоречивость, указывая, что «это относится к ценностным ориентациям, характерным не только для основных социально-демографических и профессионально-образовательных страт и групп современного белорусского общества, но и для большинства его элит (экономических, политических, культурных, властвующей элиты, контрэлит и др.)» [Философия... 2015, 60].

Сегодня в социокультурном пространстве Беларуси сталкиваются два вектора формирования «сильной» национальной

идентичности. Так, рассматривая белорусский социум как транзитивный, пребывающий в состоянии постсоветской трансформации, Л.Г. Титаренко анализирует две противостоящие друг другу стратегии: националистическую и патриотическую [Titarenko 2011]. Первая основана на признании этнокультурных и языковых критериев национальной идентификации в качестве приоритетных. Поэтому она ориентирована на возрождение белорусского языка и белорусского этноса как титульной нации суверенного государства. Вторая (патриотическая) – представлена официальной политикой белорусских властей. В ней в качестве доминантной цели формирования национальной идентичности белорусов провозглашается органичное сочетание патриотизма с рядом традиционных черт белорусского характера (толерантностью, гостеприимством) и ментальных особенностей, сформированных советским периодом (любовью к Родине, гордостью за ее прошлое и настоящее, интернационализмом).

Данная стратегия основана на концепции «народа Беларуси», утверждающей, что все его представители олицетворяют новую национальную общность, обладающую единой социокультурной идентичностью. В отличие от националистической версии, патриотическая стратегия формирования «сильной» национальной идентичности белорусов предполагает плавный, постепенный переход к белорусскоязычной модели культурно-национального развития, который будет осуществляться естественным путем в процессе смены поколений.

Несмотря на противостояние этих стратегий в идеологическом пространстве современной белорусской политики, они имеют ряд общих черт, которые могут стать основанием их потенциального сближения в будущем. Отмечая конгруэнтность националистической и патриотической позиций в современных дискурсах идентичности, З. Бауман пишет: «Национализм захватывает дверь, вырывает дверные молотки и выводит из строя дверные звонки, заявляя, что лишь находящиеся внутри имеют право там быть и поселиться тут навсегда. Патриотизм, по крайней мере на первый взгляд, более терпим, гостеприимен и приветлив – он перекладывает ответственность на тех, кто просит о разрешении на вход. И все же окончательный результат чаще бывает удивительно схожим. Ни патриотическое, ни националистическое кредо не допускает возможности того, что люди могут ужиться, сохраняя свои особенности, ... что их совместное существование, отнюдь не

требующее схожести и не утверждающее ее как желаемую ценность, ...действительно позволяет извлечь выгоду из различий в образе жизни, идеалах и знаниях, при этом усиливая и делая более ценным то, что делает их теми, кем они являются, – то есть их различия» [Бауман 2008, 90].

Возможность сближения рассмотренных стратегий на принципах политического консерватизма видится вполне реальным с учетом того обстоятельства, что в условиях присущих глобализации цивилизационных конфликтов нельзя исключать факторы силового вмешательства извне, либо информационной агрессии, нацеленной на дестабилизацию внутреннего положения в стране. Известно, что «образ врага» всегда был мощным инструментом, ускоряющим процесс консолидации нации. Поэтому подобные геополитические факторы могут стимулировать образование подобной «сильной» национальной идентичности, втягивающей в свою орбиту значительную часть населения страны.

Описываемый потенциальный вектор динамики национальной идентичности белорусов представляется одним из очевидных рисков модернизации, поскольку его исход и возможные результаты неоднозначны. С одной стороны, такой вариант развития событий может повысить уровень социальной сплоченности и социальной мобилизации – неотъемлемых составляющих успеха модернизационных реформ. С другой, осуществляясь не в вакууме, а в условиях жесткого геополитического противостояния конкурирующих центров цивилизационной динамики, подобный тренд может стать источником эскалации внутренних конфликтов, раскалывающих общество и делающих его неспособным противостоять внешним влияниям. «Обоюдоострый меч» национальной идентичности таит в себе источник возрастания рисков, если социальная модернизация белорусского общества будет двигаться по пути, на котором формирование институтов национального государства станет сопровождаться либо ростом радикальных националистических, либо патриотических движений. Разумеется, речь не идет об отказе от института национального государства, тем более не об отказе от суверенитета. Подчеркивается лишь потребность в поиске адекватной стратегии их эволюционного развития и укрепления в условиях поздней современности, когда волны глобализации не только размывают четкие контуры («контейнерную» модель) государства эпохи «первого» модерна, но и демонстрируют нисходящий характер стратегии, ориенти-

рованной на укрепление национальной автономии по старым образцам.

Второй подход к проблеме образования нации связан с конструктивистской стратегией формирования «слабой» (плюралистичной) либо гражданской идентичности. Признавая незавершенность процесса формирования современной нации в белорусском обществе, он исходит из того, что т.н. слабая идентичность белорусов в условиях позднего модерна может быть рассмотрена как выигрышный фактор, дающий им адаптивное преимущество в ситуации глокализации социокультурных пространств и формирования космополитической парадигмы транснациональных социальных отношений.

Допустимо выделить разные направления осмысления модели «слабой» идентичности населения Беларуси. Один из векторов ее интерпретации указывает на укорененность белорусского менталитета в восточнославянском и православном культурном комплексе. Так, украинский социолог Николай Рабчук полагает, что «слабость» белорусской идентичности носит односторонний характер, поскольку в белорусском менталитете отсутствует ярко выраженное противопоставление белорусского этноса другим представителям восточнославянских народов [Рабчук 2013, 16–17]. Складывающаяся ситуация обусловлена как общностью исторических судеб, так и имперской национальной политикой, способствовавшей вытеснению культурно-языковых и религиозных различий на периферию социального пространства белорусского социума.

Другой линией интерпретации проблемы «слабой» национальной идентичности белорусов является идея формирования плюралистической гражданской идентичности, соответствующей современным европейским процессам изменения принципов и оснований социальной идентификации. Плюралистическая гражданская идентичность становится характерной моделью обществ поздней современности, в которых вследствие глобализации размываются границы традиционных социальных групп и присущих им «жестких» категорий идентификации. В своих исследованиях З. Бауман показывает, что «современность заменяет гетерономное определение социального положения обязательным самоопределением» [Бауман 2008, 39]. Ситуация в Беларуси осложняется тем, что процесс формирования плюралистической идентичности гражданского типа носит противоречивый характер. Как считает

Л.Г. Титаренко, он может быть описан в терминах «постсоветской инерциальной модели», поскольку ценностные ориентации советской поры перемежаются в сознании белорусского населения с новой системой референций, возникающей вследствие глобализации и открытости белорусского информационного пространства для межкультурного диалога [Titarenko 2011, 13–18].

На многовекторный характер динамики национальной идентификации в современном белорусском обществе указывает Л.И. Науменко, говоря о необходимости принимать в расчет совокупность таких факторов, как смена поколений, роль больших городов (интенсивность социальных коммуникаций, городской образ жизни, распространение интернета и сетевых сообществ, насыщенность культурными событиями), географические особенности региона, гендерно-демографические и статусные различия [Науменко 2008, 111–112].

Источники потенциальных рисков «слабой» модели национальной идентичности, как правило, не совпадают с причинами рискогенности ее «сильной» альтернативы. В качестве наиболее опасной формы риска, характерной для «слабой» версии формирования национальной идентичности белорусов, можно назвать угрозу дефрагментации белорусского социума по нескольким основаниям: региональным, культурным (религиозным, языковым, идеологическим), социально-психологическим, демографическим, статусным. В полной мере они могут обнаружить себя, если граждане страны будут поставлены перед выбором между сохранением суверенитета и его потерей, между Западом и Востоком, иными жесткими альтернативами. Специфика белорусской национальной ментальности всегда заключалась в стремлении уйти от радикализма подобного выбора, способного разрушить все еще органичную, но хрупкую целостность белорусского общества. Для народа, ментальными приоритетами которого признаны христианская духовность, европейские стандарты повседневной жизни, парадигма восточнославянского культурного единства, необходимость такого выбора в модели «или/или» чревата непредсказуемой социальной турбулентностью и угрозой «аннигиляции» интегративных механизмов национальной культуры.

Заключение

Амбивалентность национального менталитета и парадоксы идентичности современного белорусского общества, рассмотренные выше, свидетельствуют о высокой рискогенности выбора парадигмы и приоритетов социальной трансформации Беларуси в ближайшей перспективе. Ее источником служит необходимость активного конструирования национальной идентичности белорусов с целью укрепления социальной сплоченности общества для успешного проведения реформ. Обращение к культурно-исторической памяти народа для решения задач социальной мобилизации связано с функционированием культурной традиции. Вместе с тем оно является своеобразным политическим актом. Данное обстоятельство вполне обоснованно подчеркивается Н.Н. Федотовой: «История становится основой политики идентичности. Осуществляется конструирование идентичности посредством обращения к прошлому. <...> Идет борьба за наиболее вдохновляющую версию прошлого» [Федотова 2006, 90].

Риски, проистекающие из реализации рассмотренных стратегий формирования национального самосознания и гражданского самоопределения белорусов, их возможного движения от «слабой» идентичности к «сильной», связаны с актуализацией и обострением конфликтов в структуре культурной памяти народа. Их латентность может быть переведена в режим открытой конфронтации политически ангажированными историческими реконструкциями.

Наряду с историей, философия, религия, искусство и даже массовая культура, обращаясь к историческому самосознанию народа под влиянием медийных фреймов, формируют свою рефлексивную установку по отношению к прошлому. Это осуществляется за счет реверса традиции, позволяющего интерпретировать прошлое с позиций настоящего, выявлять и истолковывать его смысл с учетом современного социокультурного контекста. Благодаря рефлексивному пониманию прошлого, которое оказывается различным у разных субъектов интерпретации, традиция вовлекается в плюрализацию схем референции, что влечет трансформацию ее ценностно-символических оснований.

Реинтерпретация базовых ценностей и символов традиции (а в некоторых случаях даже их конструирование) осуществляется посредством формирования в культуре множества различных рефлексивных установок, задающих дистанцию по отношению к двум измерениям «жизненного мира» людей, идентифицирующих себя как этнос, народ, нация либо граждане государства. Во-первых, это – дистанцирование от их «живого настоящего» (А. Шюц), в котором сконцентрированы совместные планы, надежды и социальные ожидания, а также непрерывные антиципации будущего индивидов, осознающих себя связанными единством определенного социального пространства-времени. Во-вторых, это – дистанция по отношению к системам релевантности, определяющим специфику прочтения прошлого разными социальными субъектами современного белорусского общества.

В итоге в целях минимизации рисков конфликта и достижения подлинного понимания прошлого, как многомерного, но общего для всех современников, потребуются постоянно совмещать заданные традицией принципы референции и индивидуальные системы релевантности интерпретирующих прошлое субъектов. В противном случае возникающие образы прошлого, к которым привязаны идеологические дискурсы, обнаружат враждебную разорванность культурной памяти народа (ситуация, когда каждый имеет свою «историю» и каждый «прав»). Тактичность обращения с прошлым предусматривает умение вести заинтересованный и конструктивный диалог в направлении консенсуса, относительность которого определяется перманентным характером перемен, необходимостью продолжения пути. В условиях поздней современности наиболее адекватной формой рациональности, позволяющей преодолевать неизбежные разрывы исторического сознания и конфликты культурной памяти, является коммуникативная рациональность, основанная на принципах уважения и равенства всех субъектов диалога.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Анохина 2015 – Анохина В.В. Медиатизация как фактор трансформации социальных пространств и метаморфозы культурных традиций // *Философия и социальные науки*. 2015. № 3. С. 13–18.

Анохина 2017 – *Анохина В.В.* Диалектика глокализации в эпоху позднего модерна // Гуманітарний Вісник Запорізької державної інженерної академії. 2017. Вып. 69 (1). С. 11–16.

Бабосов 2013 – *Бабосов Е.М.* Идентичность как фактор консолидации // Беларуская думка: штомесячны грамадска-палітычны і навукова-папулярны часопіс. 2013. № 3. С. 74–79.

Бабосов 2016 – *Бабосов Е.М.* Культурный код нации: сущность и особенности // Наука и инновации. 2016. № 3. С. 48–50.

Бауман 2008 – *Бауман З.* Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008.

Бек 2000 – *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Блок 1986 – *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. – М.: Наука, 1986.

Бродель 2004 – *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3 ч. Ч. 3. События. Политика. Люди. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Галенчанка 2008 – *Галенчанка Г.Я.* Да пытання аб этнічных і этнаканфесійных катэгорыях Вялікага княства Літоўскага XIV–XVI ст.: «беларусцы», «ліцвіны» і «русiны» ў дыскурсах сучасных даследчыкаў і пісьмовых крыніцах // *Studia Historica Europae Orientalis* (Исследования по истории Восточной Европы). Вып. 1. – Минск: РИВШ, 2008. С. 9–19.

Гидденс 2011 – *Гидденс Э.* Последствия современности. – М.: Практик, 2011.

Гуревич 1990 – *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990.

Данилов 2017 – *Данилов А.Н.* Новые геополитические реалии будущей цивилизации // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 4. С. 4–12.

Домострой... 1867 – Домострой: по рукописям Императорской Публичной библиотеки / под ред. В.А. Яковлева. – СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1867.

Евароўскі 2015 – *Евароўскі В.Б.* Сярэднявечная Беларусь у інтэлектуальнай гісторыі “экспансіі” Еўропы // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова: навукова-метадычны часопіс.* Серыя А: Гуманітарныя навукі. 2015. № 1. С. 43–48.

Еўмянькоў 2008 – *Еўмянькоў В.І.* Сарматы ў літаратуры Беларусі і Польшчы перыяду Асветніцтва // Беларуская літаратуразнаўства: навукова-метадычны зборнік. Вып. 6. – Мінск: БГУ, 2008. С. 82–86.

Заневский 2011 – *Заневский С.* Падение Речи Посполитой и роль шляхты в этом процессе в изображении краковской исторической школы // *Гісторыя: праблемы выкладання.* 2011. № 5. С. 58–62.

Зеленков 2016 – *Зеленков А.И.* Постчернобыльский синдром в социодинамике современной Беларуси: гуманитарный аспект // Современный социум в мире глобальных перемен: к 85-летию академика Е.М. Бабосова / отв. ред. А.Н. Данилов. – Минск: Белорусская наука, 2016. С. 121–133.

Кириенко 2005 – *Кириенко В.В.* Менталитет современных белорусов. – Гомель: Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого, 2005.

Клімуць 2012 – *Клімуць Л.Я.* Сармацкая ідэалогія на беларускіх землях Рэчы Паспалітай // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3: гісторыя, эканоміка, права. 2012. № 2. С. 7–11.

Кудринский 1905 – *Кудринский Ф.А.* Белорусы: общий очерк // Виленский календарь. – Вильна: Русский почин, 1905. С. 93–128.

Ладысеў, Брыгадзін 2003 – *Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І.* Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). – Минск: БДУ, 2003.

Ле Гофф 2001 – *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого: Очерки / пер. с фр. С.К. Цатуровой. – М.: Прогресс, 2001.

Лескинен 2002 – *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М.: Институт славяноведения РАН, 2002.

Мельников 2005 – *Мельников А.П.* Национальный менталитет белорусов. – Минск: Право и экономика, 2005.

Мурзёнак 2016 – *Мурзёнак П.П.* Шляхі да беларускай нацыі. – Мінск: Кнігазбор, 2016.

Науменко 2008 – *Науменко Л.И.* Этническая идентичность белорусов: содержание, динамика, региональная и социально-демографическая специфика // Беларусь и Россия: социальная сфера и социокультурная динамика: сб. науч. тр. – Минск: ИАЦ, 2008. С. 111–132.

Рабчук 2013 – *Рабчук М.* Усходнеславянская “умма” і праблема эмансіпацыі: да пытання пра “слабую” ідэнтычнасць украінцаў і беларусаў // Трансфармацыі ментальнасці беларусаў у XXI ст.: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі / пад рэд. А.Я. Тараса. – Рыга: Інстытут беларускай гісторыі і культуры, 2013. С. 6–47.

Славянские... 2001 – Славянские духовные ценности на рубеже веков: сб. ст. / отв. ред. Н.К. Фролов. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. университета, 2001.

Современное белорусское... 2018 – Современное белорусское общество: социологическое прочтение / под общ. ред. А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. – Минск: БГУ, 2018.

Титаренко 2010 – *Титаренко Л.Г.* Концепция белорусской национальной идентичности в условиях современной многовекторности развития // Философия и социальные науки. 2010. № 4. С. 24–29.

Турен 2014 – Турен А. Идея революции // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1. С. 98–116.

Февр 1991 – Февр Л. Бои за историю: сб. статей / пер. с фр. А.А. Бобовича, М.А. Бобовича и Ю.Н. Стефанова. – М.: Наука, 1991.

Федотова 2006 – Федотова Н.Н. Мультикультурализм и политика развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 3. С. 75–92.

Философия... 2015 – Философия устойчивого развития и социальная экология / под ред. А.И. Зеленкова. – Минск: БГУ, 2015.

Ценностный мир... 2016 – Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский Союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / под ред. Д.Г. Ротмана и др. – Минск: БГУ, 2016.

Чернявская 2010 – Чернявская Ю.В. Белорусы. От “тутэйшых” – к нации. – Минск: ФУАинформ, 2010.

Ширков 2008 – Ширков И.Е. Ментальная матрица и стиль белорусской культуры // Культура. Наука. Творчество: сб. науч. ст. Вып. 2. – Минск, 2008. С. 655–660.

Шюц 2004 – Шюц А. Символ, реальность и общество // Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 456–529.

Яковенко 2006 – Яковенко И.Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. – М.: Прогресс-Традиция, 2006.

Titarenko 2011 – Titarenko L.G. Post-Soviet Belarus: The Transformation of National Identity // International Studies. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 11–21.

Wasilewski 1925 – Wasilewski L. Sprawa kresów i mniejszości narodowych w Polsce. – Warszawa: Wydawnictwo Warszawskiego Oddziału Towarzystwa Uniwersytetu Robotniczego, 1925.

REFERENCES

Ahohina V.V. (2015) Mediatization as a Factor of Social Sphere Transformation and Metamorphosis of Cultural Traditions. *Filosofiya i sotsialnye nauki*. No. 3, pp. 13–18 (in Russian).

Ahohina V.V. (2017) Dialectics of Glocalization in the Late Modern Age. *Humanities Bulletin of Zaporizhzh State Engineering Academy*. No. 69, pp. 11–16 (in Russian).

Babosov E.M. (2013) Identity as a Consolidation Factor. *Belaruskaya dumka*. No. 3, pp. 74–79 (in Russian).

Babosov E.M. (2016) The Cultural Code of the Nation: The Essence and Features. *Science and Innovation: Scientific Practical Journal*. No. 3, pp. 48–50 (in Russian).

Bauman Z. (2000) *Liquid modernity*. Cambridge: Polity Press (Russian translation: Saint Petersburg: Peter, 2008).

Beck U. (1986) *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (Russian translation: Moscow: Progress-Traditsiya, 2000).

Bloch M. (1949) *Apologie pour l'histoire: Ou, Métier d'historien*. Paris: Armand Colin (Russian translation: Moscow: Nauka, 1986).

Braudel F. (1949) *La Méditerranée et le Monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*. Paris: Armand Colin (Russian translation: Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2004).

Chernyavskaya Yu.V. (2010) *Belarusians: From "Tutejszy" ("Locals") to the Nation*. Minsk: FUA-inform (in Russian).

Danilov A.N. (2017) New Geopolitical Realities of Future Civilization. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. No. 4, pp. 4–12.

Danilov A.N. & Rotman D.G. (Eds.) (2018) *The Modern Belarusian Society: A Sociological Reading*. Minsk: BSU (in Russian).

Evarovski V.B. (2015) Medieval Belarus in the Intellectual History of the "Expansion" of Europe. *Bulletin of Mogilev State A. Kuleshov University. Series A: Humanitarian Sciences*. No. 1, pp. 43–48 (in Belarusian).

Evmyankov V.I. (2008) Sarmatians in the Belarus and Poland Enlightenment Literature. In: *Belarusian Literary Studies* (Vol. 6, pp. 82–86). Minsk: BSU (in Belarusian).

Fedotova N.N. (2006) Multiculturalism and Development Policy. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 9, no. 3, pp. 75–92 (in Russian).

Fevr L. (1952) *Combats pour l'Histoire*. Paris: Librairie Armand Colin (Russian translation: Moscow: Science, 1991)

Frolov N.K. (Ed.) (2001) *Slavic Spiritual Values at the Turn of the Century*. Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University (in Russian).

Galenchanka G.Ya. (2008) On the Issue of Ethnic and Ethno-religious Categories of the Grand Duchy of Lithuania of the 14th–16th Centuries: "Belarusian," "Lithuanians," and "Ruthenian" in the Discourse of Contemporary Researchers and Written Sources. In: *Studia Historica Europae Orientalis* (Vol. 1, pp. 9–19). Minsk: Republican Institute of Higher Education (in Belarusian).

Giddens A. (1991) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press (Russian translation: Moscow: Praxis, 2011).

Gurevich A.Ya. (1990) *The Medieval World: The Culture of the Silent Majority*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Kiriyenko V.V. (2005) *The Mentality of Modern Belarusians*. Gomel: Gomel State Technical University (in Russian).

Klimuts L.Y. (2012) Sarmatian Ideology at the Belarusian lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth. *Journal of the Belarusian State University. History, Economics, Law*. No. 2, pp. 7–11 (in Belarusian).

Kudrinsky F.A. (1905) Belarusians: General Study. *Vilenskiy kalendar* (pp. 93–128). Vilna: Russkiy pochini (in Russian).

Ladysev U.F. & Brygadzin P.I. (2003) *Between East and West: The Formation of Statehood and Territorial Integrity of Belarus (1917–1939)*. Minsk: BSU (in Belarusian).

Le Goff J. (1985) *L'Imaginaire médiéval*. Paris: Gallimard (Russian translation: Moscow: Progress, 2001).

Leskinen M.V. (2002) *Myths and Images of Sarmatianism: The Origins of the Polish-Lithuanian Commonwealth National Ideology*. Moscow: Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Melnikov A.P. (2005) *The National Mentality of Belarusians*. Minsk: Pravo i ekonomika (in Russian).

Murzonak P.P. (2016) *Ways to the Belarusian Nation*. Minsk: Knigazbor (in Belarusian).

Naumenko L.I. (2008) Ethnic Identity of Belarusians: Content, Dynamics, Regional and Socio-Demographic Specificity. In: *Belarus and Russia: The Social Sphere and the Social and Cultural Dynamics: The Collection of Scientific Papers* (pp. 111–132). Minsk: IAC (in Russian).

Rabchuk A.M. (2013) Eastern Slavic “Umma” and the Problem of Emancipation: The Issue of the Ukrainians and Belarusians “Weak” Identity. In: Taras A.E. (Ed.) *Transform the Belarusians Mentality in the 21st Century: Materials of the Scientific-practical Conference* (pp. 6–47). Riga: Institute of Belarusian History and Culture (in Belarusian).

Rotman D.G. et al. (Eds.) (2016) *The World of Values of Modern Man: The Countries of the Eastern Partnership, the European Union, and Russia in International Projects for the Study of Values*. Minsk: BSU (in Russian).

Schütz A. (1971) Symbol, Reality and Society. In: Schütz A. *Selected Works: A World Glowing with Meaning*. Moscow: ROSSPEN, 2004 (Russian translation).

Shirkov I.E. (2008) Mental Matrix and Style of Belarusian Culture. *Culture. Science. Creativity: Collection of Scientific Papers* (Issue 2, pp. 655–660). Minsk (in Russian).

Titarenko L.G. (2010) The Concept of Belarusian National Identity in the Conditions of Modern Multi-Vector Development. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. No. 4, pp. 24–29 (in Russian).

Titarenko L.G. (2011) Post-Soviet Belarus: The Transformation of National Identity. *International Studies*. Vol. 13, no. 1, pp. 11–21.

Touraine A. (1990). The Idea of Revolution. *Theory, Culture & Society*. Vol. 7, no. 2. pp. 121–141 (Russian translation: *Sotsiologicheskoye obozrenie*. Vol. 13, no 1, pp. 98–116).

Wasilewski L. (1925) *Sprawa kresów i mniejszości narodowych w Polsce* [The Matter of the Borderland Residents and National Minorities in Poland]. Warsaw: Wydawnictwo Warszawskiego Oddziału Towarzystwa Uniwersytetu Robotniczego (in Polish).

Yakovenko I.G. (2006) *Risks of the Russian Society Social Transformation: A Cultural Aspect*. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Yakovlev V.A. (Ed.) (1867) *Domostroy: According to the Manuscripts of Imperial Public Library*. Saint Petersburg: D.E. Kozhanchikov (in Russian).

Zanevskiy S. (2011) The Fall of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Role of the Gentry in this Process in the Image of the Krakow Historical School. *Gistoryya: prablemy vykladannya*. No. 5, pp. 58–62 (in Russian).

Zelenkov A.I. (Ed.) (2015) *The Philosophy of Sustainable Development and Social Ecology*. Minsk: BSU (in Russian).

Zelenkov A.I. (2016) The Post-Chernobyl Syndrome in the Sociodynamics of Modern Belarus: A Humanitarian Aspect. In: Danilov A. (Ed.) *Modern Society in the World of Global Changes: On the 85th Anniversary of Academician E.M. Babosov* (pp. 121–133). Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).